Юдин Александр Ильич

ПОИСК СВОБОДЫ: М. А. БАКУНИН И Н. А. БЕРДЯЕВ

В статье дан историко-сравнительный анализ проблемы свободы в творчестве двух ярких самобытных мыслителей – М. А. Бакунина и Н. А. Бердяева. Бакунин видел решение этой проблемы через социальную революцию, через социальное переустройство общества, полагая, что человек уже изначально свободен, надо только снять с него путы, накладываемые государством. Бердяев полагал, что в социальном, материальном объективированном мире свободы нет, свобода есть только в религиозно-духовном бытии человека. Анализ этих походов позволяет в ином свете взглянуть на данную проблему.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/3-1/56.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. I. С. 205-209. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

И наконец, запись передает, хотя не в полной мере, естественное и красивое звучание рояля под пальцами Рубинштейна. По свидетельству настройщика фирмы *Steinway* Франца Мора, пианист быстро и легко входил в контакт с любым инструментом, был непривередлив (в отличие от Горовица) и менял инструменты от концерта к концерту [4, с. 65-69].

Примечание 1

Альфред Брендель с Клаудио Аббадо и Берлинским симфоническим оркестром (Deutsche Grammophon); Владимир Ашкенази с Бернардом Хайтинком и Венским филармоническим (Philips). Время исполнения каждой части в другой, более поздней, записи Рубинштейна 1958 года также более медленное, чем указал Брамс, но не так, как у Бренделя или Ашкенази, за исключением третьей части, которая слегка короче в исполнении Бренделя. Если послушать запись Горовиц – Тосканини – *NBC* симфонический оркестр 1940 г., то можно услышать исполнение, которое ближе к указаниям Брамса и (в случае второй части) даже немного быстрее, чем указания композитора.

Список литературы

1. **Монсенжон Б.** Рихтер. Дневники. Диалоги. М.: Классика – XXI, 2002. 480 с.
2. **Рубинштейн А.** Дни моей молодости, фрагменты // Исполнительское искусство зарубежных стран: сб. статей. М.: Музыка, 1981. Вып. 9. С. 111-166.
3. **Стравинский И.** Хроника моей жизни. Л.: Государственное музыкальное издательство, 1963. 276 с.
4. **Щикунова Т.** Пианист и его инструмент: к истории диалога // Актуальные проблемы высшего музыкального образования: научно-аналитический и научно-образовательный журнал. Н. Новгород: ННГК им. М. И. Глинки, 2013. № 4 (30). С. 65-69.
5. **Rubinstein A.** My Many Years. N. Y: New York, 1980. 545 p.
6. **Sachs H.** A Life. N. Y.: Grove Press, 1995. 525 p.

PIANIST AND CONDUCTOR: FROM DUET TO DIALOGUE

Shchikunova Tat'yana Evgen'evna, Ph. D. in Art Criticism
Nizhny Novgorod State Conservatoire named after M. I. Glinka
shchikunova@yandex.ru

In the article the analysis of the musical creative contacts of the great Polish pianist Arthur Rubinstein (1887-1982) with the famous conductors of the XXth century is given. The author suggests the contrastive characteristic of sound material written down by the pianist and his contemporaries. The author of the article for the first time acquaints the Russian readers with the fragments of foreign autobiographic and monographic literature devoted to Arthur Rubinstein by the materials of her own translations.

Key words and phrases: Arthur Rubinstein; genre of piano concerto; analysis of audio recordings; John Barbirolli; Daniel Barenboim.

УДК 1(091)
Философские науки

В статье дан историко-сравнительный анализ проблемы свободы в творчестве двух ярких самобытных мыслителей – М. А. Бакунина и Н. А. Бердяева. Бакунин видел решение этой проблемы через социальную революцию, через социальное переустройство общества, полагая, что человек уже изначально свободен, надо только снять с него путы, накладываемые государством. Бердяев полагал, что в социальном, материальном объективированном мире свободы нет, свобода есть только в религиозно-духовном бытии человека. Анализ этих походов позволяет в ином свете взглянуть на данную проблему.

Ключевые слова и фразы: революция; человечность; животность; инстинкт; анархия; отчуждение; онтологическая структура души; религиозно-духовное бытие.

Юдин Александр Ильич, д. филос. н., профессор
Тамбовский государственный технический университет
ayudin51@mail.ru

ПОИСК СВОБОДЫ: М. А. БАКУНИН И Н. А. БЕРДЯЕВ©

Свобода есть неотъемлемое право, поскольку человек, говоря словами Ж. П. Сартра, рожден быть свободным. Свобода – есть априорное состояние человека, стремление к свободе и свободному выражению своих мыслей естественно и нормально. Если это состояние невозможно реализовать в жизни, то человек страдает, болеет, он несчастен.

© Юдин А. И., 2014

Свобода – это вечная проблема мировой философской мысли. Каждая эпоха, цивилизация давала свое толкование, понимание свободы. Античное рационалистическое понимание свободы, средневековое, религиозное, снова возвращение к рационалистическому пониманию в Новое время, ярко выраженное этическое обоснование свободы И. Кантом, абсолютизация свободы в экзистенциализме и т.д.

Что такое свобода? Это такая химера, придуманная человеком, которая не имеет и не может иметь однозначного определения, впрочем, как и другие философские понятия. По-своему правы были позитивисты, утверждая, что философские понятия и философские проблемы антинаучны, но парадокс в том, что человек всегда мучительно пытался и пытается их решить. Именно к таким вечным проблемам относится свобода.

Свобода есть метафизическое понятие, адекватное состояние которого, говоря позитивистским языком, нельзя найти в объективной действительности, понятие, которое нельзя верифицировать. Значит, это настоящее метафизическое понятие, настоящая философская проблема, которую в абсолютном смысле решить нельзя, но возможно лишь относительное, конкретно-историческое решение. Философская проблема есть вечный и конкретно-исторический вызов времени, есть ярко выраженная потребность, которая забирает в свой оборот все слои общества и с объективной необходимостью реализуется в социальном действии, в искусстве, творчестве, философии.

В данной работе мы сформулируем два, наиболее типичных, подхода к решению проблемы свободы. Преобразование социальных отношений для реализации свободы есть, безусловно, важное условие, важный объективный фактор. Но есть и другой путь к свободе – путь духовного, нравственного освобождения человека. Первый подход наиболее ярко выразил великий русский бунтарь М. А. Бакунин; второй – не менее великий христианский экзистенциалист Н. А. Бердяев. Сравнительный анализ этих противоположных подходов позволит нам приблизиться к истине.

Изменение социальных условий делает человека свободным? Или он все равно остается рабом? Духовное, нравственное освобождение человека ведет к преобразованию общественных отношений, к изменению социальных условий? Вот та проблема, которую мы попробуем решить.

Акцент на духовном, нравственном освобождении мы находим у Бердяева. Для свободы нужна дерзость духа. «Нашу эпоху разъедает болезненная рефлексия, вечное сомнение в себе, в своих правах на обладание истиной, принижает нашу эпоху дряблость веры, слабость избрания, не осмеливаются слишком страстно и непоколебимо объясняться в любви к чему-то и к кому-то, мямлят, колеблются, боятся, оглядываются на себя и на соседей. Раздвоение и расслабление воли уничтожает возможность дерзновения. Духовная робость неизменно сопровождает слабость волевого избрания» [6, с. 14-15].

Другой путь – путь социальных революций. Французские просветители разработали понимание человека как социального существа, сформулированное позже классиками марксизма: человек есть совокупность общественных отношений. Каковы общественные отношения, таков и человек, чтобы изменить человека нужно изменить общественные отношения. В этой позиции есть безусловная ценность, трудно отрицать зависимость человека от общества, но человек не есть слепое отражение общества, он активен и способен влиять на общество, его изменять, преобразовывать общественные отношения, делать то, что у Маркса названо революционной практикой. Если общественные отношения основаны на эксплуатации и экономическом рабстве, то в результате изменения, революционного преобразования этих отношений, в результате уничтожения эксплуатации человек станет свободным, поскольку какие отношения, таков и человек.

Рабство – это отчуждение человеческой личности, свобода – это обретение ее человеком. Кто-то отобрал у меня мою сущность, чтобы стать свободным, мне необходимо вернуть ее. Самому распоряжаться своей сущностью. Фейербах поработителем человеческой сущности считал христианство, сущность человека должна принадлежать не богу, а самому человеку. Маркс проблему свободы решал в рамках экономического отчуждения, причина которого кроется в частной собственности на средства производства. Фейербах и Маркс были правы, но они рассматривали лишь частные формы отчуждения.

Таким образом, с материалистической, социально-экономической точки зрения борьба за свободу, за социальное равенство – это борьба за социальное переустройство общества. Это политическая, социальная борьба, это социальные революции, борьба за гражданские права людей, борьба за социальное равенство. И мы полагаем, что цивилизованное человечество также движется по этому пути. Но насколько эффективен этот путь, может быть, на этом пути встречается обратное движение, регресс, а может быть, прогресса вовсе не существует, есть материальный прогресс, социальный, в смысле общественного переустройства, а духовного, нравственного, прогресса нет?

Путь социальных революций – есть ли это путь к свободе, «есть ли это дорога к храму»? Проходят социальные революции, а становится ли больше свободы в человеческом обществе, стали ли люди чувствовать себя свободнее? Есть ли в обществе уважение к человеку и человеческому достоинству, стала ли человеческая жизнь ближе к понятию абсолютной ценности? Или человек, наделенный разумом, никогда не будет свободен?

Другой подход: социальной и политической свободой в полной мере могут воспользоваться только духовно свободные люди, тогда не будет такого абсурдного состояния – политические условия для свободы есть, но свободных людей нет, духовно свободных. В этом смысле свобода есть, согласно Бердяеву, дерзость духа, есть внутренне свободное, не холуйское, не лакейское, состояние человека, свобода в его чеховском понимании, когда реализация ее заключается в выдавливании из себя по капле раба. Этот путь предполагает внутреннюю духовную работу, которая в конечном счете должна привести к качественно новому, свободному человеку.

В России за последние два века произошли революции, шли и идут бесконечные реформы, но способствуют ли все эти социальные изменения реализации свободы, свободнее ли стал человек, преодолел ли он экономическое, религиозное или иное отчуждение или, снизим уровень притязаний, изменилось ли государство и

общество? Яркую характеристику российского политического устройства XIX века дал А. И. Герцен, обладавший обостренным восприятием несвободы. «Россия в полном смысле этого слова управляется адъютантами, указами, писарями и эстафетами. Сенат, государственный совет (учреждение более позднее), министерства – не что иное, как канцелярии, в которых не спорят, а исполняют, не обсуждают, а переписывают. Вся администрация представляет крылья телеграфа, с помощью которого человек из Зимнего дворца изъявляет свою волю» [7, с. 191]. К сожалению, высказывание Герцена остается современным и актуальным в современном российском обществе.

Н. И. Бердяев полагал, что социальное переустройство не приводит к изменению онтологической структуры души, этих изменений надо искать глубже. «Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло осталось. Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре. Нет уже старого самодержавия, а самовластье, по-прежнему, царит на Руси, по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам. Нет уже старого самодержавия, нет старого чиновничества, старой полиции, а взятка, по-прежнему, является устоем русской жизни, ее основной конституцией. Взятка расцвела еще больше, чем когда либо», – писал Н. А. Бердяев в работе «Духи русской революции» [3, с. 76-77]. Рассуждения Бердяева можно продолжить. В 1991 году в России произошла еще одна демократическая революция, но социальные пороки абсолютно те же, а может быть, расцвели еще в большей степени.

М. А. Бакунин, который сам был абсолютно свободным человеком, видел торжество свободы через социальную революцию и социальное переустройство общества. Он полагал, что человек изначально в силу своей родовой сущности свободен, раскрытию этой, существующей на уровне инстинкта, свободы мешают только внешние силы. Поэтому борьба за свободу для него – это борьба с внешними причинами и, прежде всего, с государством. Причем для Бакунина любое государство враждебно свободе человека, любое государство необходимо уничтожить. «Я – фанатичный приверженец свободы, видящий в ней единственную среду, где может развиться ум, достоинство и счастье людей» [1, т. 4, с. 250], – писал он о себе.

Вся жизнь Бакунина была посвящена одной цели – борьбе против государства, борьбе за уничтожение государства – главного душителя свободы. «Бакунин был настоящим романтиком, – вне этого нельзя понять ни очень сложной и достаточно путаной его натуры, ни всей переполненной авантюрами его жизни, ни, наконец, его философского развития», – писал В. В. Зеньковский [8, с. 48].

По мнению Бакунина, уничтожение государства делает человека свободным, точнее, человек уже свободен, но проклятое государство связало его цепями, надо только разорвать эти цепи, тем самым освободить инстинктивно свободного человека. «Он (*Бакунин – А. Ю.*) делает жуткое предсказание: если какой-нибудь народ попробует осуществить в своей стране марксизм, то это будет самая страшная тирания, какую только видел мир», – писал Н. А. Бердяев [5, с. 95].

Жизнь предшествует мысли – этот тезис имел для Бакунина мировоззренческое значение. Значит, свобода не рационализирована, но на уровне жизни, бытия, она уже изначально существует. А реализации ее мешает все, что сковывает этот инстинкт свободы, в том числе и наука. С этой позиции наука делает человека рабом, во имя свободы человек должен избавиться от любого диктата, диктата науки тоже. Если наука способна познавать законы развития природы и общества, значит, ученое меньшинство, познающее эти законы, должно управлять миллионами людей. «На другой день революции, – считал Бакунин, – новая общественная организация должна быть создана не свободным соединением народных ассоциаций, общин, волостей, областей снизу вверх, сообразно народным потребностям и инстинктам, а единственно диктаторской властью этого ученого меньшинства, *будто бы* выражающего общенародную волю». Такова логика рассуждений мыслителя [1, т. 1, с. 239]. Приоритет науки над жизнью имеет своим следствием власть меньшинства над большинством.

Отрицание рационализации и опора на инстинкты народы, главным из которых является свобода, есть уже на уровне инстинкта в каждом человеке, и для ее реализации не нужен долгий и мучительный путь духовного и нравственного развития личности, путь «выдавливания раба».

Основой построения общественного идеала должны быть жизнь, инстинкты народа. «Мы революционеры – анархисты… мы утверждаем, что жизнь естественная и общественная всегда предшествует мысли, которая есть только одна из функций ее, но никогда не бывает ее результатом: что она развивается из своей собственной неиссякаемой глубины» [Там же, с. 237]. Таким образом, основанием будущего «безгосударственного» общества должны стать инстинктивные потребности миллионов людей.

Таким образом, суть понимания Бакуниным свободы – изначально, инстинктивно свободному человеку мешает быть свободным только проклятое государство в любой его форме, не будет государства – и человек будет свободным. Простое решение, но так ли это в действительности? Если бы все было так просто, то этой проблемы не существовало бы.

Бакунин был человеком XIX века – века буржуазных революций, когда борьба за свободу буржуазного класса, класса капиталистов, отождествлялась в сознании многих с социальной борьбой за свободу как таковую. Бердяев – уже человек XX века, видевший в реальной действительности результаты буржуазных и социалистических революций. Отсюда весьма скептическое отношение к реализации свободы посредством социальной революции. Позиция Бердяева: социальная революция к свободе не ведет, во всяком случае – к свободе большинства.

Может ли свобода быть реализована в социальной действительности, и если да, то насколько? Эта проблема волновала Бердяева. Несмотря на религиозный, духовный акцент, Бердяев был социально ориентированным человеком, и его анализ социальных проблем современности был просто гениален. В социальной действительности свобода «имеет свою внутреннюю диалектику и свой рок, она легко себя отрицает, прикрывает насилие и переходит в свою противоположность» [4, с. 59].

Свобода в социуме должна быть свободой не для себя, не для определенной социальной группы, а свободой для всех. Однако вся предшествующая история есть борьба за свободу для себя. «Коммунисты, фашисты, гитлеровцы и пр. отлично признают свободу для себя и чувствуют себя вполне свободно, но только отрицают свободу для других. Все тираны мира признавали и утверждали свободу для себя, но отрицали ее для других… В обществе капиталистическом свобода стала прикрытием интересов буржуазных классов… По-одному мыслит целый класс свободу для себя, по-другому свободу для других классов» [Там же, с. 60].

Бердяев вводит понятие формальной свободы, характерной для современных буржуазных демократических обществ. Формальная свобода есть свобода отвлеченная, безучастная к ближнему, в конце концов, декламационно-риторическая, по мнению Бердяева, по сути, прикрывает реальное рабство. «Эта отвлеченная декларация прав гражданина не дает никакой реальной свободы трудящимся классам, которым предоставляются формальные политическая права, но не предоставляется никакой возможности через них реализовать экономическое право на жизнь, на труд и на продукт своего труда» [Там же]. Таким образом, буржуазная демократия есть свобода для буржуазии, для одних классов, и лишение свободы других, порабощенных классов. Здесь, по сути, марксистский анализ социальных противоречий. В ранние годы Бердяев испытал сильное влияние марксизма. «Демократические защитники свободы сплошь и рядом бывают защитниками буржуазно-капиталистического строя, который лишает реальной свободы огромные народные массы. В коммунизме есть критическая правда» [Там же, с. 66], – писал Бердяев.

Спор о свободе, по мнению мыслителя, необходимо вывести за рамки социальных, эгоистических, классовых отношений, необходимо перестать мыслить ее формально и декларативно. Но если не мыслить свободу в социальном плане, с классовых или экономических позиций, то каков иной путь к пониманию свободы?

Для Бердяева путь к подлинному пониманию философии и подлинному пониманию свободы связан с религиозным мировоззрением. Кризис современной философии он связывает с ее отказом от религиозных основ. «Без посвящения в религиозные тайны и без приобщения к религиозным таинствам нет питания; знание становится худосочным и отвлеченным, порывает с живым бытием» [6, с. 19].

Именно это произошло с современной светской, рациональной философией. «Вся новая философия, начиная с Декарта и кончая неокантианцами, отрицает необходимость посвящения и приобщения для стяжания знания, гнозиса, и потому тайны бытия и таинства жизни для философии закрываются» [Там же]. Эту рациональную философию Бердяев называл полицейской. «Гениальный образец чисто полицейской философии дал Кант. Полицейская философия имеет некую связь с полицейским государством, с обществом секуляризированным. Из священного гнозиса превратилась философия в полицейский распорядок отвлеченной мысли» [Там же].

Подлинное решение свободы лежит не в обществе, не в социальных отношениях, а в самом человеке. Только религиозная вера освобождает человека, делает его свободным. Философия свободы не есть одна из проблем философии, «философия свободы значит здесь – философия свободных, философия, исходящая из свободы, в противоположность философии рабов, философии, исходящей из необходимости, свобода означает состояние философствующего субъекта» [Там же, с. 12]. Философия рабов, согласно логике мыслителя, есть светская рационалистическая философия, основанная на человеческом разуме, а не на религии.

Свобода – это внутренняя активность человека, а историческая активность, по мнению Бердяева, – это объективация внутренней активности, существующей в глубине личности. Таким образом, свобода существует или должна сформироваться и существовать не в объективной социальной действительности, а в глубине человеческого духа. Причем существует независимо от социальной действительности, даже вопреки ей. Свободный, по мнению Бердяева, не должен сгибаться ни перед историей, ни перед родом, ни перед революцией, ни перед какой объективной общностью, претендующей на универсальное значение.

Бердяев излагает религиозно-экзистенциальное понимание свободы – свободы, выходящей за рамки социальной детерминации, преодолевающей социальную зависимость человека от общества, свойственную марксизму. «Философия должна быть свободной, она и будет свободной, когда будет церковной, так как только в церкви – свобода. Освобождение от рабства и необходимости» [Там же, с. 27]. Таким образом, подлинная, абсолютная, а не относительная свобода находится на иррациональном, экзистенциальном уровне, где отсутствует рациональная и социальная детерминация.

Преодоление экономического рабства, экономическое освобождение человека вовсе не ведет к его духовному освобождению. Экономически свободный человек, согласно логике мыслителя, часто остается духовным рабом. Человек не столько экономическое существо, согласно Марксу, сущность человека не есть только его целесообразная, разумная деятельность, но человек есть духовное начало, и духовная, прежде всего, сущность должна быть ему возвращена. Если же человек, по мнению Бердяева, остается существом материальным и экономическим, духовная же его природа признается иллюзией сознания, обманной идеологией, то человек остается рабом и раб по природе.

В материальном, социальном объективированном мире, согласно логике, Бердяева, свободы быть не может, потому что материальное всегда доминирует, в материальном мире сила неизменно побеждает дух. В объективированном мире человек может быть свободен только, по мысли Бердяева, в относительном смысле. Для того чтобы стать свободным, человеку должна быть возвращена его духовная природа, он должен осознать себя свободным и духовным существом.

Свобода в реальном материальном мире, свобода как социальная категория существовать не может. Свобода есть религиозное, духовное явление. «Путь истины и есть путь свободы во Христе, ибо Сын освобождает. В религии Христа свобода ограничена только любовью, христианство – религия свободной любви и любящей свободы. Новый Завет – завет любви и свободы». Поэтому все попытки найти свободу в объективной действительности тщетны [Там же, с. 195].

Таким образом, два диаметрально противоположных подхода к поиску свободы. Первый представлен великим революционером-анархистом Бакуниным, жизнь которого связана с революционной освободительной борьбой XIX века; второй представлен великим русским христианским экзистенциалистом Бердяевым, жившим в конце XIX – первой половине XX веке, пережившим революции и социальные потрясения своего времени.

Быть может, время оказало влияние на эти теоретические поиски свободы – сначала очарование социальными преобразованиями, вера в то, что они обязательно приведут к положительному результату. Затем горькое разочарование, что было характерно для Бердяева, ведь он начинал в 90-е годы XIX века как марксист, и этот процесс прошел в течение его жизни.

Кто прав или в чьей правде больше правды? Потому что правых нет. Той деспотической царской России, с которой так яростно боролся Бакунин, давно уже не существует, к тому же сегодня ее уже деспотической не называют. Но на смену царскому деспотизму пришло свободное общество, которое, правда, сейчас называют деспотическим. Является ли современное российское общество свободным сегодня, чувствует ли человек в современных социальных условиях себя свободным? Поэтому, может быть, прав Бердяев – в объективированном, социальном мире свободы быть не может. Это в категорическом смысле.

Но сформулируем вопрос по-иному: есть ли прогресс в реализации свободы в относительном смысле? Безусловно, есть – в истории одни формы зависимости сменяются другими. Если смену форм зависимости принять за прогресс, то прогресс в объективированном виде существует, но приведет ли он человека к свободе? Это вызывает сомнение.

В объективированном социальном мире меняются формы социального устройства, но эти меняющиеся формы делают ли человека свободным? Зависит ли свобода человека от меняющихся форм социального устройства? Утвердительный ответ мы дать не можем. Субстанция свободы находится не в формах социального устройства, а в самом человеке. Вспомним И. Канта: нравственность есть априорная форма чистого разума, она присуща человеку до всякого опыта. Подобным образом и свободу нужно искать в глубинах человеческого духа.

Позиция, выраженная Бердяевым, очень актуальна. Нет рабства, нет никаких форм зависимости человека от других людей, но рабы есть. Потому что не произошло качественного изменения онтологической структуры души человека, потому что он еще не стал духовно свободным человеком, еще не «выдавил из себя раба». Поэтому поиск свободы Бердяевым остается вечно актуальным. Человек, находящийся во власти материального мира, по его мнению, все еще остается рабом.

Концепция Бакунина доминировала в XIX веке, времени социальных революций. В XX веке приходит понимание того, что социальных преобразований недостаточно для совершенствования общества. Стало очевидно, что социальные преобразования приводят иногда к прямо противоположным результатам. Поэтому, на наш взгляд, позиция Бердяева ближе к истине, свобода не сможет восторжествовать в результате тех или иных социальных революций и социальных реформ, свобода может быть только результатом долгой, многовековой просветительско-духовной работы. Поиск свободы должен проходить внутри человеческого духа, а не только в социальном реформаторстве.

Недавно в 2008 году мы отмечали столетие «Вех». Призыв, выраженный авторами «Вех», не был услышан сто лет тому назад, не услышан он и сейчас. России нужна не революция, а трудная и долгая духовно-просветительская работа, без которой не может возникнуть вдруг свободное общество. И сейчас России нужны не многочисленные социальные эксперименты, делать которые особого труда не стоит, а трудный путь духовно-нравственного становления, который требует огромных физических и духовных усилий.

Список литературы

1. **Бакунин М.** Избранные сочинения. Пг. – М., 1919-1921. Т. 1-4.
2. **Бакунин М.** 1876-1926. Неизданные материалы и статьи. М., 1926.
3. **Бердяев Н. А.** Духи русской революции // Из глубины: сб. статей о русской революции. Нью-Йорк, 1991.
4. **Бердяев Н. А.** Парадоксы свободы в социальной жизни // Новый Град. Париж, 1931. № 1.
5. **Бердяев Н. А.** Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 2.
6. **Бердяев Н. А.** Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
7. **Герцен А. И.** Собрание сочинений: в 30-ти т. М., 1954-1965. Т. 12.
8. **Зеньковский В. В.** История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2.

SEARCH FOR FREEDOM: M. A. BAKUNIN AND N. A. BERDYAEV

Yudin Aleksandr Il'ich, Doctor in Philosophy, Professor
Tambov State Technical University
ayudin51@mail.ru

The article gives the historical and comparative analysis of the problem of freedom in the creative work of two bright original thinkers – M. A. Bakunin and N. A. Berdyaev. Bakunin saw the solution of this problem through social revolution, the social transformation of society, believing that the person is initially free, it is just necessary to take off the shackles imposed by the state. Berdyaev believed that there is no freedom in the social, objectified material world; freedom is only in human religious and spiritual existence. The analysis of these approaches allows considering the problem in another aspect.

Key words and phrases: revolution; humaneness; animal essence; instinct; anarchy; estrangement; ontological structure of soul; religious and spiritual existence.